

Поэтическая серия Арсенала

Имя, имя

Ирина Максимова

Имя, имя

Ирина Максимова

18+

Н С С А Г Ц С И Н С С А
А Р С Е Н А Л А Г Ц С И
Н С С А Г Ц С И Н С С А
Г Ц С И Н С С А Г Ц С И
Н С С А Г Ц С И Н С С А
Г Ц С И Н С С А Г Ц С И
Н С С А Г Ц С И Н С С А
Г Ц С И Н А Р С Е Н А Л
Н С С А Г Ц С И Н С С А

Министерство культуры РФ
Приволжский филиал
Государственного центра
современного искусства

Ирина Максимова
Имя, имя/Поэтическая серия Арсенала. — Нижний
Новгород: Приволжский филиал Государственного
центра современного искусства, 2014. — 40 с.

©Приволжский филиал Государственного центра
современного искусства, 2014

Время от времени

Основная проблематика, тема в книге Ирины Максимовой — расставление (оно же — снятие) границ, установление межей, зрительное и незримое соизмерение промежутков. Границ между человеком и человеком, границ внутри самого человека, границ времени или времён человеческой жизни. Это декларируется с первых стихотворений книги —

*Забывать, что то, что между
– мной и тобой –
неизвестно никому больше...*

– и остаётся актуальным до самого финала.

При этом очень важно, что книга выстроена по хронологическому принципу, в прямой последовательности, со скрупулёзным проставлением даты после каждого текста. Перед нами исповедь, поэтический дневник, если хотите — и если не хотите, тоже — фотоальбом.

Фотография — это сквозной образ книги. Желтые карточки — смотрим сквозь штрафные очки – отграничивают реальное от ирреального, время от времени, высоту от глубины.

То что запечатлено — бывшее, а может никогда и не бывшее, и уж точно — не *настоящее* — в 2007-ом.

*Люди идут, взявшись за руки,
нам кажется, что они — вместе
или что они — счастливы.*

*Так, на некоторых фотографиях
существует то, чего никогда не было,
и кажется прошлым то,
чего никогда не будет.*

Фото — коридор памяти в 2012-ом — коридор *не зримый*, стены его звучат:

Смотришь на фотокарточку — слышишь голос.

За пять лет уходим всё глубже и глубже. Выше и выше?

Во всяком случае, в какой-то момент границы оказываются не только расставлены, но и перейдены. В большинстве своём стихи Ирины Максимовой встроены в быт, в повседневный обиход, в этом отчётливо слышится лианозовский импульс, вообще очень значимый для поэтов группы РЦЫ¹. Это звучание усиливается ещё и тем, что многие тексты в книге повествовательно, что отчасти органично вытекает из самой поэтики Ирины Максимовой, отчасти — из духа времени: они были написаны тогда или примерно тогда, когда в поэтическом сообществе оформлялась эстетика «нового эпоса» (но в целом поэтический мир книги «Имя имя» остаётся всё же вне рамок этого явления). И вдруг это вполне посюстороннее повествование — о Мартине и Марте, о девочке и её маме — оборачивается историей о прогулке со святым Петром без глаз и лица, который предлагает взять автору ответственность за себя. Последняя строчка стихотворения «И я возвращаюсь» делает финал открытым: то ли герой делает круг, оборачивается в самое себя в начале пути, но уже иным, и это и есть Рай, то ли он возвращается потому, что не может эту ответственность принять и поэтому отказывается от Рая. (К вопросу о двух мнениях, моём и неправильном: верна, конечно, только первая трактовка). Эта история 2009-го года повторяется в 2012-ом, и заводит нас туда, куда и принято вести благим намерениям:

*И вот, опускаешься в ад.
Шаг первый, и расходится круг,
поднимая со дна
всю исподнюю сущность твою.*

Разделительным, разграничивающим пространством оказывается и сон, и здесь уже важен оказывается не традиционный для сомнологической символики момент перехода потустороннего — хотя и он, несомненно, присутствует, — но уход в коллективное бессознательное — которое при всей своей туманности всё же вполне посюсторонний, социальный концепт, что бы он ни воплощало — как не граница даже, но промежуток между я и не-я:

^{<?>}Ирина Максимова, Павел Настин, Евгений Паламарчук, Юлия Тишковская.

*когда и сны не то чтобы суровы,
не то чтобы вполне,
не то чтобы твои.*

Мы попадаем в пространство неразделимого, которое при этом не может быть неразделённым — оно общее, одно на всех; предельная индивидуализация оказывается деиндивидуализацией. Прошлое — смутный мерцающий кусок общественного пространства, и да, выходит, оно всё-таки *настоящее* — только то и есть, что в памяти.

*станем людьми, обладающими
общими фрагментами прошлого
с другими людьми...*

Евгения Риц

[...]

и пока никто не спросит меня:
— зачем ты предаешь,
зачем отдаешь, —
...и пока никто не спросит меня
изнутри,
...то есть — если снаружи,
то я скажу: нет,
да что вы!
— да что вы!..

*(и эхо внутри меня
отбивается от суставов
множеством маленьких
каучуковых мячиков.)*

и только
подушечки пальцев стучат по столу.

2005, Калининград

[...]

И даже если мы с тобой люди,
для которых дорого стоит время,
даже если мы с тобой — люди,
для которых время само по себе ничтожно,
и ты предлагаешь почту, простую почту
перевести из формата времени в деньги,
чтоб не стоять в дорогостоящей очереди,

то как мы сможем жить стариками,
как мы сможем ждать друг друга из армии
или — не дай бог — из тюрьмы?

И все время хочется, так нестерпимо хочется
исправить что-то неважное.

Есть люди, которые в крайности,
живут на самом краю,
на самом краешке неба.

Разве не ради них —
наше с тобою время.

...То есть — мое.

2005, Калининград

[...]

Мама в детстве не баюкала, не говорила:
не подсказывай ни играющим,
ни стоящим по разные стороны,
ни держащимся за руки у витрины,
разглядывающим что-то желанное;
а так, возможно, я бы поняла раньше,
берегла бы
чужую возможность,
вечную бесконечность,
не пресекла бы,
не опрокинула
порхания и твоего мотылька.

2006, Калининград

[...]

Не думать об этом, чтоб об этом
не говорить.

Ни за что на свете не думать.

Забывать, что то, что между

— мной и тобой —

неизвестно никому больше.

Не стоит перечислять.

*Когда я пишу, я закрываю
левый глаз, потому что правым
я вижу лучше.*

И если тебя любить,

ты...

Половина моих стихотворений не закончена.

Мне будет холодно — *позже*.

2006, Калининград

[...]

Я снова маленькая.

Такая маленькая, что
меня можно положить в чемодан
и увезти отсюда
далеко-далеко.

Куда — ты даже не сможешь себе представить.

Я зернышко
в грецком орешке хромого мышонка.

Меня не бывает.

2006, Калининград

[...]

*и сводные свободные братья,
собаки голодные (по отцу).
...и тот меня не окружает,
кто не бил меня по лицу.*

и я никого не помню,
того никого, кто спросит.

мама, что ты принесла?

и раскроет пакет —
треугольник — воздушным змеем —
улетит голубой-голубой.

я никого не помню.

и руки тянут к земле.

2006, Калининград

[...]

*и первый стыд какой-то божьей твари
остался в памяти на сладкое — иначе никак.
так появляется сквозняк, как настоящий.
закрыли окна, душно не заметив, а был ли мячик,
волчий твой билетик счастливый твой.*

и музыка какая-то пора, и неизбежное
ее очарованье.
горит москва — слова на красный камень.
в разговорах
нормаль касается виска и мозжечка, доколи боле:
боли, страха и любви уже видали, теперь другое
петька вовке говорит, а сам не пьет ни грамма.

эти встали.

те — ушли от разговора.

2006, Калининград

[...]

Под незнакомым кажутся иные имена,
иной сюжет.

Не так, как мы живем: не то чтобы сполна,
а как бы жили, как бы нет.

Мы не решили: то ли нам решать,
а то ли случай выйдет бесплодный.

...А где-то есть иная благодать?

Не спишь, а вертишься;
не спишь — как спать,
когда и сны не то чтобы суровы,
не то чтобы вполне,
не то чтобы твои.

2006, Калининград

[...]

Вещи, которые следует помнить, —
это лозунги политических партий
и предметы домашнего обихода,
которые позже — гораздо позже —
мы узнаем на фотографиях
нашего времени: да-да, такой же,
и станем людьми, обладающими
общими фрагментами прошлого
с другими людьми.

В этот момент мы узнаем вещи,
найдем им место,
возможное только после смерти,
и узнаем их сердцевину.

Возможно, в нас нечего будет вспомнить, —
дай бог, чтобы дали имя.

2006, Калининград

[...]

Внезапно
Пришла зима — опять без никого;
И имя возвращается обратно,
И кроме остается ничего.

Опять птенец ютится под окном,
Не вовремя зачатый под венец;
Родится сын неправдой, как закон.
Я назову его Мертвец.

А после — остается ни о ком;
Стекляшки, ветви истязают луг,
И яблоня склонилась на излом,
И колокольчик ночью берегут.

Но не затем зачатый под венок
Сквозь снег излом летит нагой птенец, —
Когда б я смог, как мальчик, наконец,
Сквозь снег к тебе юрок.

2006, Калининград

[...]

Чувство пустоты приходит внезапно.
Хотя сама пустота
внимательно, шаг за шагом
идет к тебе постепенно.
Ты по-прежнему жив
и даже способен на многое:
на большее, чем когда-то.
Но четкое осознание
и точное чувство
того, что что-то потеряно
(хоть и не самое важное, как оказывается),
пронзает. И иногда — саднит.

2007, Калининград

[...]

А когда глаза мои умрут
и станут у куклы фарфором
прозвенит колокольчик там
и будет мне светофором
ты будешь слепой котенок
я буду чужой ребенок
и если тебе расти
и если мне не расти
то мне никогда не расти

А когда умрут мои уши
и птицы взлетать перестанут
я от тебя до суши
рукою смогу достать
ты будешь приятный ветер
я буду зеленой хвоей
и если тебе расти
и если мне не расти
то мне никогда не расти

А когда умрут мои пальцы
и я ничего не буду
я сама полечу по небу
над нашим простым законом
ты будешь речной кораблик
я буду совсем спокойной
и если тебе расти
и если мне не расти
то мне никогда не расти

2007, Калининград

[...]

Прошлое еще определяется по фотографиям:
на фотографиях запечатлены моменты надежды.

Люди идут, взявшись за руки,
нам кажется, что они — вместе
или что они — счастливы.

Так, на некоторых фотографиях
существует то, чего никогда не было,
и кажется прошлым то,
чего никогда не будет.

Эти неудачные фотографии
можно спрятать от будущих жен.

Потому что мы все — живые,
и все мы — люди,
и никто нас не бережет.

Невидимых друг для друга.

2007, Калининград

[...]

Весь день мужчины в зеленом
поют молчаливую тополиную песнь —
вот и птица не прилетит.

А в ночь, в тишине, на кухне
пьешь, чередуя чай и воду,
чай и воду.

Читаешь простой детектив.

Не думаешь, кто кому родственник
и к кому у кого есть дело —
тихо листаешь страницы.

А завтра помнишь —
стояла смерть за спиной
в обнаженном виде.

Послезавтра память слабела
подробностью:

Вот и птица не прилетит.

2008, Калининград

[...]

Смерть окружает меня стеной —
почти чужая, уже твоя.

Опадают осенние листья.
Но мы не листья,
не листья.
Мы ничем не привязаны к этой жизни.

Она — чужая.
Почти твоя.

2008, Калининград

[...]

С каждым годом становишься старше,
теряешься в датах.
Собственный возраст
становится не так уж важен.

Все чаще кто-то от рака или инфаркта —
какой молодой / молодая.

Иногда, посылая деньги
на лечение тяжелобольного,
получаешь слова благодарности.

Думаешь о словах ответа.

— Том? Нет его. Говорят же вам — нету.

2008, Калининград

[...]

Марта и Мартин
были знакомы с детства.
Отец Марты был эмигрантом, его звали Мишей,
но это уже не имеет значения.
Марта и Мартин не писали на стенах
свои имена:
они были знакомы с детства,
но жили в другой стране.

У родителей Мартина
была квартира с балконом;
герань, красная, менструальная,
росла, отражаясь в стекле,
он ее и выхаживал.
Знал про ее семена.

Мартин работал кладовщиком.
Марта продавала цветы.
Кое-как сводили концы с концами.
Южная Германия, точнее, Бавария.

Мартин упрекал Марту в недостатке образования
и говорил про ее родителей,
точнее — «ты —
полукровка, не —
понимаешь».

Так они завели кота.
Вернее, кошку.

Мартин нашел ее на дороге,
у автобусной остановки:
она дрожала от холода
в телефонной будке.
Редкий для тех времен
падал снег,
медленный, бестолковый,
назавтра таял.

Марта болела,
укрывалась тремя одеялами:
— Это твое, оно — живое, —

шептала Марта:
Мартин ей был не первым.

Во сне она видела кошку,
умирающую на руках
у Мартина, у нее
умирающую на руках.

«Кто ты вообще такая?» —
спрашивал Мартин,
выгоняя Марту из рая.

«Никто», — соглашалась Марта.
Мартин ей был не первым.

Раннее утро
в Южной Баварии.

Марта одета в шубку,
искусственный мех.
Автобус не ходит в Мюнхен.
Марта уже другая.

2008, Калининград

[...]

Мартин Марте:

— Отчего ты всегда улыбаешься, когда я серьезен?

Марта Мартину:

— Отчего ты всегда серьезен, когда я улыбаюсь?

Марта плачет, Мартин смеется,
а скульптор Андреас делает свое дело
в маленькой студии, верхний этаж.

Его фигуры, похожие на треугольники и браслеты
облокачиваются друг на друга:
серые бульжники в желтом свете.
Свет, даже сумрачный,
просачиваясь сквозь ветви,
приобретает оттенки,
да и движения становятся медленны.

...Желтый — гораздо теплее, —
считает его жена Луиза.

Она готовит домашний обед:
скоро Андреас спустится с лестницы.

Луиза слышит его неуверенный шаг.

Значит, не в этот раз.

*Когда Мартин и Марта умрут,
что будет с вашими
незаконченными цитатами,
будут ли они длиться, как обертона
сыгранной пьесы,
или застынут в камне?*

2008, Калининград

[...]

А даль все ниже, на горизонте
стоит водой.
В ней отражаясь, стоит журавль,
совсем нагой.

Вот самолет бумажный и шестикрылый,
как серафим.
Такая осень, о божья мasha,
такая синь.

Такое время, когда бы он ей,
когда бы ты.

Ползет улитка из Лиссабона,
везет цветы.

2009, Калининград

[...]

*Вот, говорит Петр, вы говорили об этих воротах.
Дай я тебе покажу.*

И ведет меня, и идет впереди.
У него желтая голова без волос и лица, на нем
балдахин,
который мог бы скрыть тело, но не движение.
Он похож на кеглю, но в этом нет ничего смешного.

Это могла бы быть тишина,
но звук неба не позволяет это назвать тишиной.

Впереди постепенно
проявляются золотые светом ворота.

Вот, говорит Петр, смотри.

И я смотрю на них —
узкие и бесконечно высокие,
кажется, будто они сходятся
в этом небесном пространстве,
удивительно голубом.

Здесь никакого солнца,
но здесь бесконечно светло.

*В эти ворота, добавляет Петр,
пройдешь только ты сам,
ты не можешь взять с собой ни того,
кто тебе советует,
ни того, кто взывает к твоей жалости.*

*Все, говорит Петр.
Теперь иди.*

И я возвращаюсь.

2009, Калининград

[...]

Осыпается берег моря,
отвесный склон.
Синеголовник — сухой,
песок — желтый.
Громко кричать
нельзя только в горах,
снег еще тоньше, намного тоньше песка.
Кто же кроме тебя виноват?

Вот дрожит в воздухе паутинка
и пахнет хвоей.
Солнечный отблеск
в каплях росы, а ты
как себе представляешь лето?
Соленые воды моря
не избавляют от жажды,
и лица не отмыть от слез.

2010, Калининград

[...]

О светлая, светлая нимфа,
постой, личинка.
Если ты меня вопрошаешь: кто я?,
то могу ли тебе ответить.

На другом берегу песка,
на той стороне ответа
нет никого, кто дрожал бы,
нет никого, кто хотел бы
его услышать.

О светлая, светлая нимфа,
остановись, личинка.
Кому ты и что должна,
оставь —
это все, что тебе осталось.

2010, Калининград

[...]

Вот ты вернулся в старый город —
тот, который не мог принять.

Там эта женщина в печали,
ее молчанье и невозможность —
все утекло, как старая вода.

Великая река, о, полноводна!
О, нетороплива
тяжелая волна чужая.
И женщина другая, и земля —
вон катится клубком до леса.

А где-то девушка зайдет в троллейбус
и оглянется в поисках знакомых.

О солнце, ветер, маленький троллейбус,
и стайка воробьев, и группа чаек,
и город совершенно незнакомый
под этими ничьими облаками.

2010, Калининград

[...]

Как получилось так, что я не могу уйти?
Чудо мира без обязательств. Не говори
ничего, когда земли коснется твоя рука.
Когда исчезают черты, исчезает любая черта.

Это место такое, куда приводит рука в руке.
Blessed spirits ликуют в маленьком уголке
пространства во вне, острова посреди земли.

Не оборачивайся. Ни слова не говори.

2012, Калининград

[...]

Смотришь на фотокарточку — слышишь голос.
Сначала один. Как правило, голос смеется.
Потом начинается море, птицы, песок
шуршит, и захлопывается багажник
автомобиля.

Уложены вещи.
Какие-то мелочи выпирают из памяти,
как очертания коленок под платьем.
И снова — голос. Что говорит — никак
не удастся расслышать, то ли ветер,
а то ли время его уносит.

2012, Калининград

[...]

Любовь моя — райский сад,
ты уже в цвету, и завяжется плод.
Человек — не плоть, неделимы
душа и тело. Сколько еще
осталось мне сделать, чтоб.

Так завязан дуб. Узелок — не смерть,
но сгореть — сгорит, и падет во тьму.
Оказалась дева спиной к земле —
и тебе достанется, и ему.
Когда ад сомкнется в ее руке.

2012, Калининград

[...]

С каждым днем мне все больше кажется,
что мир увеличивается,
я уменьшаюсь.

Воздух становится так тяжел,
что давит со всех сторон.

Спасаясь от ужаса,
я обнимаю подушку,
сохранившую запах любимого,

и чувствую,
как он далеко.

2012, Калининград

[...]

Был ты, а стал никто, неизвестный.

Чему равен X? Следующей жизни.

Все меньше счастья в каждой
руке. Ничего тяжелого не осталось,
а только уже не летишь.

Даже когда не верится — не
взлетаешь.

«Я думал, что никогда уже больше.
А тут ты».

А я — будущий неизвестный.

И надежды для нас не осталось,
а только нежность.

2012, Калининград

[...]

И вот, опускаешься в ад.
Шаг первый, и расходится круг,
поднимая со дна
всю исподнюю сущность твою.

В этот момент говоришь:
«Это не я, не я.
Это время проходит насквозь и свистит,
это так обжигает
истина-свет, что горю.

Так горел бы любой человек», —
утешаюсь.

2012, Калининград

[...]

Хочется забыть язык,
чтобы заново научиться
одной только фразе:

«Как же я тебя люблю».

- лью-бью -
- лью-бью -
- лью-бью -

2013, Калининград

[...]

Незнакомый
всегда

каждую секунду

больше всего тоскуешь
когда находишься рядом

хочется больше

но обняв
в молчании перед сном

получаешь

десять баллов из десяти
по шкале счастья

2013, Калининград

[...]

Лежать рядом с ним, спящим,
и, обнимая, выцеловывать звезды.

Он будет мне обнаженным
в любой одежде,
под любым одеялом.

Так просвечивает человек сквозь тело.

Имя, имя.

2013, Калининград

[...]

Вот, ты рядом:
— или закрываешь глаза,
или настолько близко, что черт не видно.

Мы пришли сюда, чтобы сделать *диле ке но*.

Сердце не разбивается,
оно каменеет,
разрушая сосуды,
как малахитовое яйцо.

Здесь еще не отпускаешь,
пока болит в беспмятстве.

Больше забываешь, чем помнишь.

Начнем сначала:
руки отсохли, как пуповина.

Скажи ему «нет».

2014, Калининград

[...]

Ловля космического мяча
не удастся без разбитых коленок.
Кровь вытекает из ран незаметно,
пропитывает землю насквозь.

Земля спит, как война.

Мазохист не желает смерти.

Лопнувшие сосуды в отражении
в зеркале.

Звезды нависают гроздьями винограда.

2014, Калининград

Ирина Максимова
Имя, имя

Издание Приволжского филиала
Государственного центра современного искусства

Отпечатано
в Приволжском филиале
Государственного центра современного искусства
г. Нижний Новгород, Кремль, корпус 6
Тираж 200 экз.

